

Россия, 2002. 14 ноября. с. 24-25

Ворошило мечтает клонировать Депаардые

Кирилл Омошкин

Александр Ворошило вспоминает, что было время, когда над ним не смеялся только ленивый: уж если в этой стране оперные певцы торгуют колбасой...

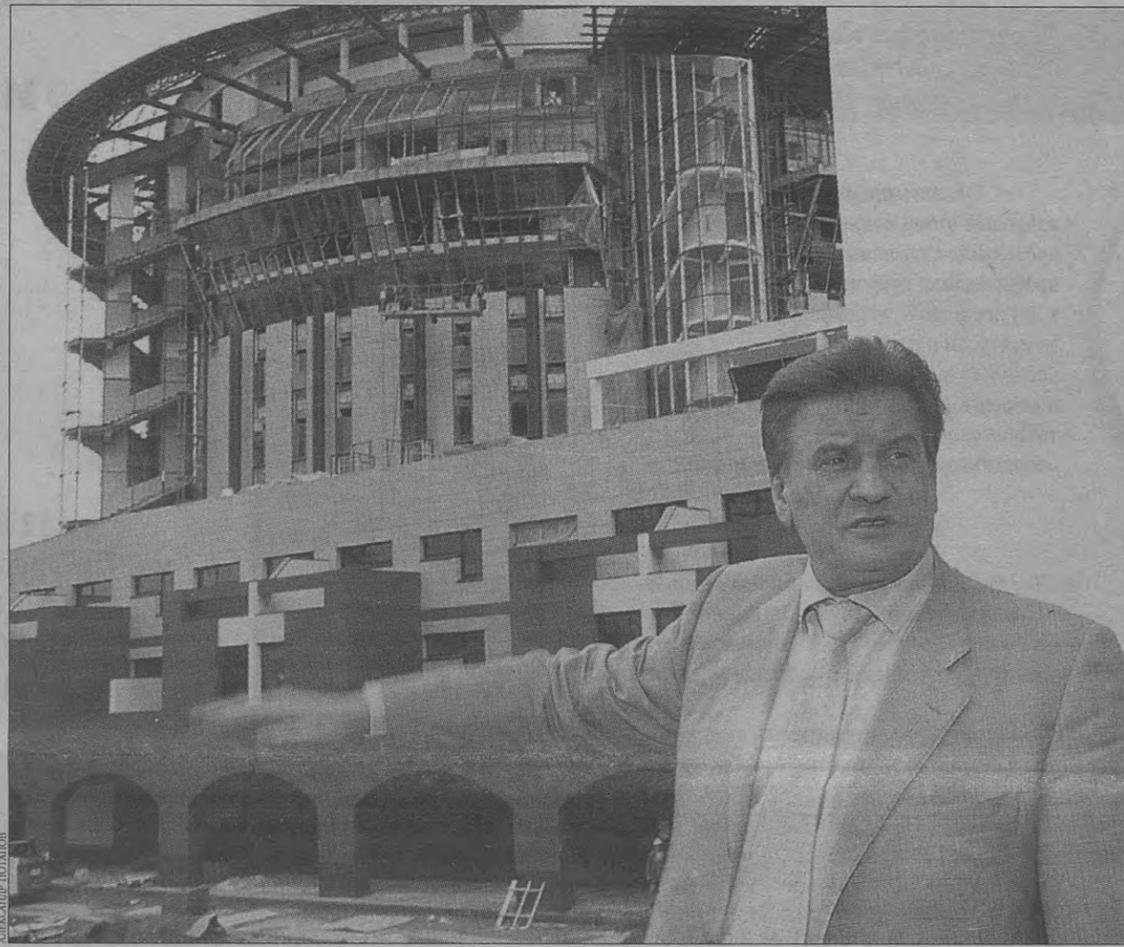
Да, солист Большого театра, любимец публики, неожиданно оставил сцену в начале девяностых. Потеря голоса стала настоящей трагедией, но пить и жаловаться на судьбу не в его характере, да и просто неинтересно. Он стал бизнесменом и теперь уже прославился как один из лучших колбасников России. Снимался в кино, потом с триумфом вернулся в Большой на должность исполнительного директора, потом, произведя сенсацию, был освобожден от должности в результате «сокращения штатов», ныне — генеральный директор Московского международного дома музыки. Обязательный и никогда не унывающий человек. Счастливый муж, отец и дед. Вам не завидно? Мне завидно.

— Вы, будущий солист прославленного на весь мир театра, родились в провинции...

— И провел детство в деревне. Точнее — в совхозе. Туда отец перевез всю семью из Днепропетровска. После войны проще было прожить натуральным хозяйством, сначала обосновались в землянке, потом построили хату своими руками из глины и соломы. Материал этот саманом называется. Мы все вместе месили глину ногами, формовали кирпичи. Жилье, конечно, получилось непрочное, но теплое, справили новоселье и вздохнули поспокойнее.

— Семья-то большая?

— Мать, отец, пятеро детей. Я самый младший. Отец работал, конечно, но на его зарплату можно было купить в месяц одну пару кирзовых сапог, их сначала старший брат носил, потом я донашивал. В голенищах дыры, а мать бранится, что носить обувь по-человечески не умею. В общем, в представлении современного москвича — ад крошечный. А я вспоминаю это время как очень радостное. Семья у нас была дружная, а детство есть детство. Вы не представляете, как мы все были счастливы, когда, например, в первый раз до от-

вала наелись картошки с собственного огорода и не нужно было думать, что посадить следующей весной: урожай удался.

А ведь его жизнь могла закончиться в младенчестве. Однажды старшие сестры повезли еще грудного Сашу кататься на лодке по Днепру. Вместо соски младенец держал во рту тряпку с жеваным хлебным мякишем. И не переставая орал от голода. Но накормить его было нечем. В какой-то момент у сестер мелькнула мысль просто утопить ребенка, чтобы прекратить его и свои мучения. Много лет спустя родные рассказывали Александру эту историю со слезами на глазах.

— История вашей жизни кажется сказкой: деревенский мальчик полюбил музыку и сделался знаменитым певцом...

— А со сказки все и началось. В совхозе был клуб мест на 100, один фильм в нем показывали 7–10 дней, и если кино хорошее — не пробиться. Тогда дети смотрели его, лежа пузами на сцене перед экраном, мест в зале не хватало. Так я посмотрел «Музыкальную историю» с Сергеем Яковлевичем Лемешевым, который играл таксиста Говоркова. И вот этот

Теперь я генеральный директор Московского международного Дома музыки. Три концертных зала, орган, возможность услышать даже оперу в концертном исполнении. Ведутся уже последние работы по отделке здания

В Большой был конкурс — 138 человек на место

Говорков становится артистом. Это что ж — и каждый так может?! Сказка сбывается и в жизни! Потом, когда мы с ребятами играли в наших и немцев, я отказывался быть эсэсовцем или партизаном. Говорил, буду Говорковым. Ну разве не сказка, что через много лет я познакомился с Сергеем Яковлевичем в Москве, в Большом театре! И первую статью о моем творчестве, об исполнении партии Чичикова в «Мертвых душах», написал именно Лемешев.

— Правда, что вы в юности зарабатывали тем, что пели на свадьбах под аккордеон?

— Правда. Только пением это, конечно, назвать сложно, хотя успех я имел, и даже огромный. Знаете, бывает, что человек, глядя на соревнующихся марафонцев, в азарте бежит сам. И вдруг прибегает первым. Но ведь он пока не спортсмен, данные есть, но нужно долго тренироваться. Играл на аккордеоне я любительски, я же не Юрий Гуляев, виртуоз баяна. Но пел с удовольствием, знал наизусть весь свадебный репертуар, знал, под какие песни парня в армию проводить. Сегодняшние песни с рваными, синкопированными ритмами не осо-

бенно попоешь хором на праздниках, и эта традиция ушла. А тогда хороший гармонист ценился, мои выступления были расписаны надолго вперед. Очень хорошо зарабатывал: по 300–400 рублей в месяц, кто помнит, это солидные деньги были. Сам одевался-обувался, родителям помогал...

— Каково от таких заработков — на студенческую стипендию?

— После армии, в музыкальном училище, я тоже не бедствовал: вел самодеятельность. А вот когда поехал в Одессу, в консерваторию, там — да, поначалу трудно пришлось. Но первое время родные помогали, а потом я снова стал подрабатывать: пел в филармоническом ансамбле, подражал обожаемому мной Муслиму Магомедовичу Магомаеву.

— Почему же вы занялись классическим вокалом, а не стали эстрадным певцом?

— Ишь ты — не знаю! Никогда не задумывался, надо же... Ведь действительно всегда очень любил хорошую эстраду. Магомаев, Кобзон, Шульженко — это люди, отмеченные Богом, гордость нашей культуры. Почему хотя бы не попытаться встать в этот ряд?.. Так сложилась жизнь. Впрочем, тогда нигде и не учили эстраднему вокалу, может быть, только в Москве, в эстрадно-цирковом училище. В консерватории я поступил к прекрасному педагогу Федору Игнатьевичу Дупиненко, но потом решил перейти в класс Ольги Николаевны Благовидовой. Нет, «решил» — это не совсем удачно сказано. Можно похвастаться: «Я решил учиться у академика Сахарова», — ради Бога. Только сначала надо, чтобы академик Сахаров согласился с вами работать. Мне повезло: Ольга Николаевна меня взяла, курс я оканчивал у нее.

Однажды, желая помочь талантливому ученику, Ольга Благовидова позвонила в Москву старой знакомой, чтобы узнать, нельзя ли Саше Ворошило попробовать свои силы в Большом театре.

— А какой у него голос? — сразу поинтересовалась знакомая.

— Лирический баритон.

— Ой, с этим в Большой и соваться нечего, тут палку кинь — в баритона попадешь.